

В этот раз Чжан Саньмао уже почти неделю потешался над результатами ежемесячного теста, открыто и завуалированно. Не только на уроках и вызывая в учительскую, но даже однажды, когда Цзян Чэнь опоздал из-за ухода за отцом, он стоял у школьных ворот и при всех учителях и учениках говорил об этом, даже использовал против него своего травмированного отца-инвалида.

Цзян Чэнь и так был подавлен семейными проблемами и особенно уязвим, а это дело вызвало у него отвращение к учебе. Он уже прогулял два урока химии, а вчера даже весь день просидел в интернет-кафе.

По дороге в школу Цзян Чэнь, вникая в слова Шэнь Сюя и копаясь в собственных воспоминаниях, извлек все сведения об этом учителе Чжане. К моменту прибытия к школьным воротам у него уже было твердое решение, и он был спокоен.

Люди вроде Чжан Саньмао, если говорить прямо, просто запугивают слабых и боятся сильных. В обществе за пределами школы у них нет никакого веса, поэтому им нужно находить чувство превосходства и контроля над учениками. К тому же у них есть естественная привилегия учителя, и даже если они переходят все границы, они всегда могут использовать «уважение к учителям» и «воспитание учеников» как оправдание, вызывая отвращение, но не оставляя возможности сопротивляться.

Однако нынешний Цзян Чэнь в душе уже не был тем семнадцатилетним юношей из первой жизни, который импульсивно использовал саморазрушение, чтобы уйти от мести другим. И он не был похожим на настоящего старшеклассника, который искренне благоговел перед всеми учителями и боялся их влияния и давления.

Люди в этом мире разные, в каждой профессии есть люди с высокими моральными принципами и с испорченным нравом. Если убрать ореол самой профессии и смотреть на них спокойно и беспристрастно — «не трогай меня, и я тебя не трону» — то, прожив две жизни, Цзян Чэню действительно было нечего бояться.

Когда Цзян Чэнь и Шэнь Сюй пришли в класс, утренняя самоподготовка уже шла полным ходом.

Сегодня была утренняя самоподготовка по английскому. Учительница английского сидела у кафедры и диктовала слова, ученики внизу тихо писали диктант. Голоса Цзян Чэня и Шэнь Сюя, сообщивших о входе, прозвучали особенно резко.

— Вы же опоздали, — увидев их, учительница английского остановилась, но на её молодом лице не было выражения порицания. Она внимательно осмотрела состояние Цзян Чэня и, увидев, что он выглядит гораздо бодрее, улыбнулась:

— Скорее заходите и садитесь, после урока зайдите к старосте и пересдадите словарный диктант.

Цзян Чэнь сжал губы в легкой улыбке и пошел в класс.

Шэнь Сюй весело отдал честь:

— Yes, madam!

— Быстро заходите! — Учительница Ян укоризненно посмотрела на него.

Когда Цзян Чэнь и Шэнь Сюй сели, учительница Ян продолжила диктовать слова, но не успела продиктовать и двух, как постучали в переднюю дверь. На пороге появился Чжан Цзянь с блестящей лысиной и аккуратно зачесанными в три ряда волосами.

Он сначала окинул взглядом весь класс, и, увидев Цзян Чэня и Шэнь Сюя в классе, его лицо омрачилось. Он указал на последний ряд у окна:

— Цзян Чэнь, Шэнь Сюй, встаньте!

Цзян Чэнь положил ручку и встал, Шэнь Сюй фыркнул и встал криво.

Чжан Цзянь мрачно произнес:

— Вы еще знаете, что вы ученики? Эта школа не место, куда можно приходить и уходить когда вздумается, прогуливать уроки когда угодно! Выходите оба! Раз не хотите учиться — так и не учитесь!

Учительница Ян нахмурилась и стояла в стороне:

— Учитель Чжан, сейчас же идет утренняя самоподготовка. Если вы что-то хотите сказать, подождите до конца урока.

— Они сами не хотят учиться, о каком конце урока вы говорите! — Чжан Цзянь холодно фыркнул:

— Сидеть тут — всё равно что две гнилые помидоры в банке консервов. Лучше пусть выйдут пораньше и не портят моих других учеников.

— Но...

— Учительница Ян, я знаю, что вы, как женщина, добрая, но доброта должна быть направлена на нужных людей. Такие вещи, как Цзян Чэнь и Шэнь Сюй, это неисправимые испорченные элементы, гнилые с самого корня. Ваша слепая доброта только вредит другим одноклассникам. — Чжан Цзянь качал головой, говоря это с видом глубокой мудрости.

Лицо учительницы Ян стало неприятно, но Чжан Цзянь был старым учителем, который всегда был прав, и, говорят, имел связи наверху. Она, молодая учительница, проработавшая в школе меньше двух лет, действительно не имела уверенности спорить с ним.

— Что вы стоите! — Чжан Цзянь, видя, что учительница Ян молчит, прикрикнул:

— Выходите!

Цзян Чэнь и Шэнь Сюй переглянулись, отодвинули стулья и вышли через заднюю дверь.

Чжан Цзянь стоял в коридоре, глядя на послушно вышедших двоих, и трудно было скрыть торжество в его глазах. Он повысил голос и орал:

— Посмотрите на себя, вы хоть похожи на учеников! Есть ли у вас хоть что-то от ученика! Опоздания, ранние уходы, прогулы уроков — чего вы только не делали! Один на сто с лишним месте, другой сразу на пятьсот с лишним, вам не стыдно! На вашем месте я бы стыдился показываться людям!

Шэнь Сюй закатил глаза и ничего не сказал.

Цзян Чэнь спокойно сказал:

— Учитель Чжан, сейчас утренняя самоподготовка, ваш голос слишком громкий и влияет на учебу других одноклассников.

Чжан Цзянь, уже поднявший палец, указывая на Шэнь Сюя, услышав слова Цзян Чэня, сразу поднял руку выше, указывая пальцем прямо на нос Цзян Чэня, и с побагровевшим лицом произнес:

— Ты еще знаешь, что влияешь на учебу других учеников! В нашем экспериментальном классе именно вы двое как две паршивые овцы портите других учеников! Сто с лишним мест, и ты еще смеешь так говорить! Где уж тут хоть что-то ученическое! По-моему, твой максимум — это этот уровень, а предыдущие результаты, возможно, и списаны!

Как только Чжан Цзянь это сказал, не только Шэнь Сюй, который был рядом, не смог это выслушать, но и учительница Ян, и другие одноклассники из первого класса тоже не могли стерпеть.

Цзян Чэнь всегда твердо занимал первое место в параллели. Однажды он скатился на третье только потому, что не написал последние две большие задачи из-за нехватки времени, а в остальное время он всегда оставлял занявшего второе место далеко позади. С такими результатами у него вообще никто не мог списать. Сказать жестче, даже если открыть книгу перед некоторыми учениками и разрешить пользоваться ей на экзамене, они не смогли бы сдать так, как Цзян Чэнь.

Сказать, что Цзян Чэнь списал, для Чжан Цзяня было не только клеветой на Цзян Чэня, но и оскорблением других учеников.

Если Цзян Чэнь, который оставлял их далеко позади, списал, то тогда кто они, эти другие ученики, которые изо всех сил стараются и даже с открытой книгой не надеются тягаться с Цзян Чэнем за первое место?

Пока одноклассники так думали, из другого конца коридора прошел пожилой человек в серой хлопковой куртке, держа в руке термос, с наполовину седыми волосами. Он улыбаясь спросил:

— Что здесь происходит?

— Директор! — Чжан Цзянь косился на Шэнь Сюя и Цзян Чэня, но на лице его была широкая улыбка, когда он пошел навстречу:

— Вы же сегодня утром должны ехать в Чэнхуа на обмен опытом, почему в это время еще не отправились?

Директор Чжао Динпин держал термос и мягко посмотрел на Цзян Чэня и Шэнь Сюя. Отвечая на вопрос, он спросил:

— Время в Чэнхуа изменилось. А что тут случилось?

— Да это два ученика не слушаются, — Чжан Цзянь улыбнулся:

— Упали оценки в тестах, постоянно опаздывают, уходят раньше, прогуливают, сегодня опять опоздали на урок, я их вывел, чтобы провести идеологическое воспитание.

— Идеологическое воспитание учеников действительно важно, — директор утвердительно кивнул, и Чжан Цзянь тут же заулыбался, но его следующая фраза резко изменила тему:

— Но сейчас время утренней самоподготовки, как бы ни было важное дело, нельзя задерживать учебу детей, вы согласны?

— Да-да-да, самая важная задача учеников — это учеба, — Чжан Цзянь кивал, но на середине кивка, взглянув на Шэнь Сюя и Цзян Чэня, на его лице появилось возмущение тем, что железо не стало сталью:

— Главное, эти два ученика в последнее время слишком бунтуют, портят атмосферу в классе. Сейчас уже второй курс, самое время тяжелой учебной нагрузки, я как классный руководитель просто слишком переживаю, в будущем обязательно буду обращать внимание на время.

Сказав это, Чжан Цзянь косо посмотрел на Цзян Чэня и Шэнь Сюя:

— После уроков зайдите ко мне в кабинет, а сейчас заходите в класс.

До конца утренней самоподготовки оставалось всего несколько минут. Услышав слова Чжан Цзяня, Шэнь Сюй не удержался и фыркнул, пренебрежение на лице было ничем не прикрыто.

В глазах Чжан Цзяня проскользнул холодок, он повернул голову к директору и вздохнул:

— Нынешние дети, не то что мы в то время. Были книги — были благодарность и трудолюбие, люди были простыми и честными, знали, что такое уважение к учителям.

Директор нахмурил брови, и Чжан Цзянь, видя это, довольно прищурился.

Однако слова директора заставили его прищуренные глаза мгновенно застыть:

— Учитель Чжан, я не согласен с тем, что вы так говорите. Другая эпоха, и характер учеников, естественно, другой. Время движется вперед, и как учитель, нужно идти в ногу с мыслями детей, ставить себя на их место, чтобы поспевать за этим временем.

Сказав это, директор даже не посмотрел на Чжан Цзяня, а доброжелательно посмотрел на Цзян Чэня и Шэнь Сюя, улыбаясь:

— Если я не ошибаюсь, этого ученика зовут Цзян Чэнь? В начале первого курса ты выступал как представитель учеников на трибуне на площадке, а в прошлом семестре на выпускном экзамене по разделению потоков занял первое место среди естественных наук.

<http://bllate.org/book/16728/1538284>